

КАВАЛЕРІЙСКІЕ ВОПРОСЫ.

V.

СКАЧКИ И МАНЕЖНАЯ ѲДА НА ПРИЗЫ.

Въ ряду мѣръ, поощряющихъ конноводство, не послѣднее мѣсто занимають скачки и бѣги. Посмотримъ, на сколько отъбѣчаютъ этой цѣли скачки вообще и наши кавалерійскія офицерскія скачки въ частности.

Если на скачки смотрѣть какъ на пробу лошадей того или другого завода, какъ на оцѣнку способностей лошади и степени ея годности для кавалерійской службы, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы назначить извѣстные условія, невыполненіе которыхъ влекло бы за собой бракъ. Этого однакожъ нѣтъ: лошадь, какъ получившая призъ, такъ и не получившая и даже оставшаяся за олагомъ, пользуются равными правами въ этомъ отношеніи.

Заводчику, котораго лошади чаще отличаются на скачкахъ, слѣдовало бы выдавать извѣстную почетную или денежную премию. Этого тоже нѣтъ.

Нельзя также ожидать особенно благотворнаго вліянія скачекъ на производителей, такъ какъ на состязаніи допускаются и *жеребцы*; слѣдовало бы именно допускать только жеребцовъ и кобылъ, и то не старше шести лѣтъ, ибо большее назначеніе производителя вовсе не скачка. Правда, заводчикъ неслѣдно выпустить изъ завода жеребца (въ видахъ предупрежденія конкуренціи), да ихъ къ тому же въ кавалеріи избѣгать; все же для конноводства важнѣе поощреніе производителя.

Наконецъ можно бы видѣть въ скачкахъ поощреніемъ риведенію лошадей на *русскіе* заводы, если бы не допускали

лись на состязаніе и рожденныя *въ* Россіи; а такія допускаются.

Итакъ, офицерскія скачки никакимъ образомъ не могутъ имѣть цѣлю поощреніе коннозаводства. Привлеченіе въ кавалерію лошадей лучшаго достоинства, развитіе въ офицерахъ удалства и т. п. — вотъ истинная цѣль скачекъ. Все это и достигается довольно успѣшно, хотя и тутъ есть нѣсколько стѣснительныхъ и несоответствующихъ положеній:

Съ учрежденіемъ скачекъ, каждый строевой офицеръ видитъ въ нихъ ближайшую и легко доступную цѣль, для которой необходимо имѣть порядочнаго коня. Ужъ если покупать, такъ такого, который бы окупился на первой скачкѣ. Прошло то время, когда въ кавалеріи служили по преимуществу богачи и щеголялы *лошадьми*; теперь офицера покупаютъ коня крѣпкаго, да подходящаго подъ условія офицерскаго сѣдла: красная цѣна 125 рублей, а приплати рублей 75, можно достать на заводѣ хорошаго коня, годнаго и подъ верхъ и на скачку. Деньги для небогатаго челоуѣку достать нетрудно: въ подлахъ учрежденія правительствомъ ремонтныя офицерскія капиталы, для ссуды на довольно продолжительный срокъ (до двухъ лѣтъ). Бываютъ однако случаи, что лошади, признанная негодною во фронтѣ, допускаются на скачку не только съ препятствіями (гдѣ допускаются даже упряжныя), но и безъ препятствій, что обусловливается известными требованіями *свадьбы и красоты*. Такъ напр. Чулуевъ, на скачкахъ 1859 и 1860 годовъ, отличился одинъ офицеръ Нижегородскаго драгунскаго полка на бракованной лошади, только что купленной имъ съ аукціона. Лошадь выбракована, значить уже не *свадьба*, а на скачку допущена.

Изъ этого видно, до какой степени условно понятіе *красоты и вывѣдки*; вотъ почему представленіе лошадей на предварительный осмотръ такъ неприятно сѣискателямъ; представляя общагого допринца производу, этотъ осмотръ обыкновенно порождаетъ болѣе или менѣе справедливое неудовольствіе и ропотъ со стороны владѣльцевъ забракованныхъ лошадей.

Послѣдствіе введенія манежной бѣды на призы, въ офицерскій разрядъ охотаны бѣды и къ лошадямъ. Цѣль достигнута, на все совсѣтъ: вѣдь если добиваешься чего-нибудь, добивайся возможно лучшаго, несмотря на относительную справедливость *авиртима*, что „лучше *три сортика*“; если желаемъ поощрять подуетва верховой бѣды, позволительно *продать довести*

его до совершенства, а между тѣмъ въ приписанн къ § 10-му „правиль“ сказано, что вѣдоки могутъ показывать кони высшей школы, но это *въ расчетъ не принимается*. Отчего жь бы не принять въ расчетъ высшую вѣду? Вѣдь это все-таки такое же достоинство, и въ ряду соискателей, конечно, справедливо отдать предпочтене вѣдоку болѣе опытному и свѣдущему.

Благодаря скачкамъ, офицеры ознакомились также съ различными видами тренировки или выдержки лошадей для скачки. Конечно слыжалъ о множествѣ своеобразныхъ приемовъ, употребленныхъ по преданію и часто только потому, что *такъ дѣлавали дѣды*.

Въ Чугуевѣ, бывало, приводили, на недѣлю до скачекъ, коней, совершенно *замыты* въ потницу и теплыя подбѣды, подъ которыми и гоняли бѣдныхъ скакуновъ по нѣсколькимъ часамъ въ день. Это называлось *вытапливать*; выдѣлать, когда раго изъ лошади будто бы выдѣлается, въ видѣ пота, все *мелкое* (?), она становится суше и, при помощи сильной діеты, легче. Дѣйствительно, большая часть скакуновъ поодиноки борзыхъ собакъ и снаками своею версту довольно быстро, тутъ не надобно упускать изъ вида, что легкость, достигнутая настеть силъ лошади, совершенно не удовлетворяетъ земнымъ цѣлямъ: лошади, ослабленная подобной тренировкой, не выдержитъ продолжительныхъ движеній, и кавалеріи именно нужны лошади, способная выносить довольно продолжительное время самки быстрыхъ движеній. *Премистая* лошадь, обоняющая запахъ *накаретки*, ходитъ на шагъ-топчудъ 2 — 3 версты скаку, намъ часто надобно 6 — 10 версты, напримѣръ при преслѣдованіи разбитой непріятельской кавалеріи, которая, конечно, уклоняется во все лошади; намъ надобны, следовательно, *умоносны*, сильные лошади. Необходимо увеличить дистанцію скачки: напримѣръ, что за карьеръ въ 150 шаговъ для выведенной на призъ лошади? Верховой офицерской лошади зачастую приходится дѣлать въ военное время лошади въ версту и болѣе; дистанція въ одну версту и для скаковыхъ лошадей недостаточна. Для первой лошади надобно назначить не менѣе версты, а для второй не менѣе двухъ версты.

Книжки съ биллями (§ 29-й) составляютъ секретъ и считаются по окончаніи испытаній. Какъ все негласныя, таинственныя атестаціи, и эти книжки открываютъ поле злоупотребленіямъ и пристрастію. Гдѣ-гдѣ, а ужъ въ этомъ-то случаѣ

сѣдовало бы допустить помѣйшую гласность: такимъ образомъ цѣлое общество могло бы контролировать степень справедливости оцѣнки, которая, конечно, была бы строже. Къ тому же каждому офицеру полезно знать на будущее время, въ чемъ именно его вонь оказался неудовлетворителенъ.

§ 49-й требуетъ, чтобы офицеры выѣзжали *на собственныхъ лошадяхъ*. Тутъ видно стремленіе: во-первыхъ, заставить непременно *покупать* хорошую лошадь, а не заимствовать ея; во-вторыхъ, заставить ѣздить *самого* владѣльца, а не жокея-дядьки; въ-третьихъ, предупредить спекуляціи. Но ни то, ни другое, ни третье не достигается. Начать съ того, что совершенно нѣтъ никакой возможности доказать фактически, что лошадь, на которой я сижу, не моя, а положимъ продоваго командира; достаточно отвѣтить, что лошадь мною куплена. Владѣлецъ лошади можетъ быть человекъ въ дѣталь, следовательно нѣсколько спокойнѣе и благоразумнѣе относится къ скачкѣ и не расположенъ беззастѣно рисковать дѣстами изъ-за какихъ-нибудь полутора-ста рублей и удовольствія похвастаться передъ публикой на злкомъ скакунѣ; наконецъ, можетъ быть, и самая компетенція не совсѣмъ подходитъ подъ условія вѣроятности успѣха. За что же лишать его возможности и права на нѣкоторую премию, какъ человеку, такъ или иначе способствующему развитію отечественнаго коннозаводства?

Наконецъ, человекъ небогатый и безъ того дѣшево удовольствія имѣть хорошаго коня, а тутъ ему не позволяютъ скакать даже на чужомъ. Положимъ, что онъ добросовѣстно исполнитъ требованіе параграфа и останется только зрителемъ; владѣлецъ скакуна тоже не рискуетъ скакать. Выходитъ только, что небогатый офицеръ не сдѣлается наездникомъ, а многіе состоятельные офицеры будутъ удерживаться покупать лошадей собственно для скачекъ. Такимъ образомъ, однимъ 49-мъ параграфомъ мы достигаемъ двухъ отрицательныхъ результатовъ: или парализуемъ целенаправленное примѣненіе остальныхъ драгунскихъ параграфовъ, или же заставляемъ офицеровъ покупать лошадей исключительно для скачекъ.

Что касается возможности спекуляцій, то ихъ точно также трудно предотвратить, да и не слѣдуетъ. Положимъ, является на скачки заводчикъ и предлагаетъ живящимъ своимъ кровинку скакуновъ; съ условіемъ: *примъ пополамъ*. Что же тутъ вреднаго? Коннозаводчикъ получитъ только небольшое вознагражденіе за проводъ, тѣмъ болѣе, что, не всѣ его лошади

возьмут призы. Для него это и не важно; главное, тутъ рекогносцировка, аттестат и даже бы выставка образцовъ своего производства. Случается, что лошади тутъ же и раскупаются охотниками въ надеждѣ на призы. Бываетъ и такъ, что офицера условливается: *призъ одинъ, лошадь моя*, или: *возьму яризмъ — куплю одну лошадь за столько-то*. Не было примѣра, чтобы условіе было нарушено, всегда обѣ стороны въ выигрышѣ. Въ этомъ случаѣ сначки отлично достигаютъ цѣли: заводчику — расширение, офицеру — выгодное приобретение лошади. Вотъ прекрасное действительство глубокой справедливости экономического начала; „лучшее покровительство, которое можно оказывать труду, состоитъ въ томъ, чтобы ему вовсе не покровительствовать, а предоставить полной свободѣ“ (*).

Есть одна вещь одно, весьма важное злоупотребленіе, которое никакимъ образомъ не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія и самого строгаго преслѣдованія; я говорю о сначкѣ офицеровъ на казенныхъ солдатскихъ лошадяхъ.

Не трудно, конечно, изъ 700 лошадей найти двухъ-трехъ скакуновъ; но справедливо ли отнимать такимъ путемъ призы у бѣдняка, замзатившаго, можетъ быть, последние деньги за debtаго коня? Что всего оригинальнѣе, такъ это то, что въ большей части всѣ соискатели призовъ отлично знаютъ, на чьей лошади ѣдутъ и на чьей лошади выигрываютъ. По нашему мнѣнію, для соискателей призовъ слѣдуетъ строго постановить: не вымѣзывать на казенной лошади, и не нарушеніе постановленія возложить ответственность на подполковаго командира, который всегда имѣетъ возможность знать, какиѣ лошади у него офицеровъ, и мимо котораго нельзя добыть лошадь съ фронта.

Разсматривая самый процессъ сначекъ, мы находимъ и тутъ нѣсколько недомолвокъ, неясностей и ненужныхъ формальностей. Напримѣръ: на сначку явилось 16 человекъ; ихъ раздѣлили, по порядку вынутыхъ номеровъ, на 4 смѣны, и въ первую попали 3 лучшихъ скакуна, во вторую все посредственные (здесь весьма часто случается), и т. д.; записаны пришедшіе *марши* въ каждой смѣнѣ; дальнѣйшее составленіе происходитъ только между ними, и на это составленіе попадаетъ *первая* лошадь второй смѣны, за то собственно, что обогнала *младшихъ* соперниковъ,

(*). Гиль — „О народномъ трудѣ“.

а) попада она въ первую сѣтву, осталась бы за аягомы; Первая призъ достанется; положимъ, представителю первой сѣтвы, второй призъ представителю четвертой сѣтвы, а эта западь значительно уступаетъ второй и даже третьей лошади первой лучшей сѣтвы. Спрашивается: справедливо ли рѣшать вопросъ о томъ, какая лошадь лучше? Скажутъ: судьба, счастье... За чѣмъ тутъ давать волю судьбѣ и слѣпому случаю, особенно имѣя отличное средство противъ вышательства: этикъ дескто товь: пусть состязатели скачутъ по секундомеру: тогда не надобны и перескачки, и навѣрно оба приза достанутся въ нашъ примѣръ лошадямъ первой сѣтвы. Самые перескачки не имѣютъ уравнивають призы: лошадь, скакавшая въ первой сѣтвѣ, успѣетъ отдохнуть и возстановить силы въ большей степени; чѣмъ скакавшая въ послѣдней; а это уже важное преимущество.

Скачки не совсѣмъ потеряли тутъ многого зависить отъ ловкости и сноровки всадника. Великій знаетъ, что кратчайшій путь — это по веревкѣ. Отсюда стремленіе овладѣть этимъ путемъ — *взять веревку*. Вопросъ: какъ взять? Если я значительно обогналъ соперниковъ и затѣмъ уже примкнулъ къ веревкѣ, я никому не мѣшаю; другое дѣло, если я, выдвинувшись на полъ лошади, круто сворачиваю къ веревкѣ: здѣсь я перерываю дорогу сосѣду, задерживаю его ходъ и, при несчастіи, могу опрокинуть его на канатъ. Это то же что передернуть карты и недостоинно порядочнаго человека. Такия вещи однако случаются съ частоту; почти ни одна скачка не обходится безъ неудовольствій и жалобъ. Желаніе выиграть во что бы то ни стало; бѣзънѣ осрамиться; захватывающая духъ быстрота движенія не должны уничтожать въ человѣкѣ самосознанія, до полного забвенія самыхъ начальныхъ правилъ справедливости.

При скачкѣ съ препятствіями, нѣкоторыя лошади, вследствие ли плохой подготовки, или бездѣльности всадника, вмѣсто того, чтобы дѣрзоственно *перескочить* черезъ преграду, прескромно себя *перезапиютъ* черезъ нее и какъ ни въ чемъ не бывало предъявляютъ свои права на призъ, на томъ основаніи, что имъ вѣдь ни одного миго не обошли, а все *преодолили*. На это слѣдовало бы смотрѣть построжѣ.

Нѣкоторые находятъ, что не мѣшало бы сражаться лошадямъ при равныхъ условіяхъ относительно тяжести; но это поведетъ именно къ жокейству. Наконецъ §. 33. устанавливаетъ

фарма. одежды. Спрашивается: для чего тутъ нужны сабля, толный вѣдокъ и т. д. (для скачки безъ препятствій)? Развѣ для того, чтобы произвести испытаніе при обстоятельстве, подходящемъ къ обстоятельству боя? Въ такомъ случаѣ отчего же кирасиры скачутъ безъ кирасъ? У нихъ вѣдь и лошади предполагаются сильнѣе. Уменьшая тяжесть ноши сильной лошади и не облегчая ничѣмъ лошадю, мы вовсе не уравниваемъ шансовъ.

Если сабля нужна для того, чтобы испытать, на сколько лошадь приучена къ оружию, то, кажется, достаточно было бы убѣдиться въ этомъ на предварительномъ осмотрѣ во время манежной ѣзды; а здѣсь она только бьетъ сосѣдей по ногамъ.

Нѣтъ надобности и говорить, что пугать лошадь сосѣда, а тѣмъ болѣе хлестать ее, способенъ только человѣкъ, неразбирающій средствъ.

Желательно бы было ограничить право состязанія для лошадей, уже выигравшихъ призы; а то бывали примѣры, что стоило только появиться на скачку лошади, взявшей въ прошломъ году первый призъ, особенно если лошадь дѣйствительно хорошая, то немедленно уменьшается число желающихъ принять участіе въ состязаніи. Положимъ, тѣ, которые добровольно и заранѣе отказываются отъ состязанія, вмѣстѣ съ тѣмъ признаютъ своихъ лошадей „неподходящими“, но все-таки для насъ важнѣе пять хорошихъ, чѣмъ одна отличная.

Несмотря однако на эти немногіе недостатки положенія о скачкахъ, онѣ принесли уже кавалеріи огромную пользу возрожденіемъ кавалерійскаго духа и развитіемъ между офицерами молодечества, удалства, истребленіемъ того вреднаго понятія о сбереженіи лошади, которое столько лѣтъ губило нашу кавалерію и благодаря которому офицеръ никогда не позволялъ себѣ ѣздить на своей лошади иначе, какъ на ученьи. По нашему мнѣнію, лучшій экипажъ для кавалерійскаго офицера—его верховая лошадь.

Нѣкоторые почтенные люди находятъ, что собственно для кавалерійскаго дѣла скачки немного приносятъ пользы, что вѣдь англійскіе скакуны во фронтѣ не годятся, что скачки съ препятствіями тоже ни къ чему не ведутъ, и т. д. Но развѣ эти господа забываютъ, что большинство нашихъ офицеровъ еще до сихъ поръ теряется, если иному попадетъ сѣдло не того образца, къ которому онъ привыкъ: ему неловко на казацкомъ и опасно на англійскомъ. Сколько разъ мы слышали, что офи-

